

Введение

Десекуляризация мира — одна из наиболее выразительных тенденций развития современного общества. Можно спорить о реальности и полноценности новейшего религиозного ренессанса, но тот факт, что потребность в религиозной самоидентификации вновь стала насущной для сотен миллионов людей, сомнений не вызывает. Культурная идентичность — отождествление себя с той или иной культурной традицией, усвоение индивидом социокультурных образцов, моделей поведения и мышления — все чаще оказывается связана с идентичностью религиозной, стремлением человека соотнести себя с определенной религией.

Религиозная традиция как конкретно-систематичный феномен культуры в процессе возникновения и развития вбирает в себя весь культурный космос. Вместе с тем приобщаясь к заданному единству культуры, религия не растворяется в нем полностью, сохраняя то, что М. М. Бахтин применительно к другим культурным областям называл «причастной автономией»¹. Именно принцип автономной причастности, определяющий диалектику общего и особенного в формировании и бытовании религии в системе «большой» культуры, диктует необходимость рассмотрения вопросов становления и развития религиозной традиции в широком историко-культурном контексте.

Обращение к истории становления религиозных традиций, изучение генезиса религиозных идей и практик, всегда таит в себе определенные терминологические проблемы. Одни понятия требуют уточнения в силу неоднозначности их употребления как в прошлом, так и в настоящем. Другие нуждаются в целом ряде оговорок и предварительных объяснений. Поэтому в выборе категориального аппарата мы руководствовались словами С. С. Аверинцева о том, что «попытка сколь-нибудь последовательно рассуждать в категориях минувшей эпохи — это

¹ Бахтин М. М. К вопросам методологии эстетики словесного творчества // Собрание сочинений в 7 т. Т. 1. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — С. 282.

попытка писать за какого-то неведомого мыслителя этой эпохи трактат, который он почему-то упустил написать вовремя; полезность такой попытки весьма неясна, но неосуществимость очевидна. Интерпретировать культуру прошлого, наивно перенося на нее понятия современности, — значит заниматься мышлением, которое идет мимо своего предмета и грозит уйти в полную беспредметность. Интерпретация возможна только как диалог двух понятийных систем, «их» и «наших». Этот диалог всегда останется рискованным, но никогда не станет безнадёжным»².

Некоторые предварительные замечания общерелигиоведческого и историко-культурологического характера, объясняющие основные термины, понятия, типологические принципы анализа и логику изложения материала, помогут читателям погрузиться в контекст предлагаемого исследовательского пространства.

Латинское слово *religio*, при всей полисемантической и этимологической вариативности, чаще всего наделяется двумя смысловыми значениями: «святыня» и «связь». И то, и другое указывает на сущностные черты этого социокультурного феномена. Религия — это, прежде всего, особый тип мировоззрения, основой которого является религиозная вера. Понятия «религия» и «вера» близки, но не тождественны, так же как не тождественны понятия «вера» и «религиозная вера». Вера вообще — это неотъемлемая часть познавательного процесса, предполагающая признание истинными суждений, не имеющих достаточных оснований и доказательств. Вера — это акт выбора, произвольное решение, а не следствие умозаключения. Религиозная вера — только один из возможных видов веры, наряду с философской верой, научной верой и др. В чём же заключается специфика религиозной веры?

Во-первых, для религиозной веры характерна убежденность в реальном существовании высших иноприродных (сверхъестественных) сил, определяющих характер бытия мира и человека.

² Аверинцев С. С. Предварительные заметки к изучению средневековой эстетики // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. — М.: Наука, 1975. С. 397.

Во-вторых, уверенность в актуальной или потенциальной диалогичности отношений между человеком и высшими иноприродными силами. Какой бы религиозно позиционированный термин мы ни взяли — «молитва», «откровение», «жертвоприношение», «служение» и т. д. — в каждом из них обозначена эта диалогичность.

В-третьих, экзистенциальная значимость этих убеждений. Религиозная вера дает ответы на самые важные вопросы о жизни и смерти, о свободе и несвободе, о смысле и предназначении человеческого бытия.

В-четвертых, эмоционально-чувственное переживание реальности сверхъестественного. Любовь, восхищение, страх, ужас — пожалуй, нет такого чувства или эмоции, которые не были бы вовлечены в сферу религиозного переживания.

В-пятых, аксиологические установки, выраженные в приоритетной системе ценностей, идеалов и норм. В религиозных типах культуры религиозные ценности доминируют и определяют все остальные нормативные установки, превращая их в религиозно-этические, религиозно-эстетические, религиозно-правовые и т. д.

Когда религиозная вера выходит за рамки индивидуального сознания, она становится религией, то есть организованной и организующей верой определенного сообщества. В этом смысле религия — это социализированная вера, способствующая установлению не только «вертикальных», но и «горизонтальных» связей между людьми, разделяющими общие религиозные убеждения.

Религиозная вера — необходимая, но не исчерпывающая составляющая религии. Религия невозможна без культовой практики — особого вида религиозной деятельности, актуализирующей переживание религиозных идей и диалогических отношений. Осуществление культовой практики реализуется, прежде всего, в коллективных или индивидуальных ритуально-обрядовых действиях. Таким образом, в структуре любой религиозной традиции можно выделить три составляющих: область вероучения, сферу культовой практики и формы организации религиозного сообщества.

Исторически религия берет свое начало в неразделимой целостности первобытной культуры. Её основа — мифологическое мышление. Первобытный человек, носитель мифологического мировоззрения, ещё не выделяет себя из окружающего мира (как природного, так и социального) и вследствие этого уподобляет себя миру, а мир — самому себе. Так, например, осуществляется персонификация и антропоморфизация природы.

Главное свойство мифологического мышления — это синкретизм — изначальная нерасчлененность, нераздельность. Традиционные для последующих типов мировоззрения бинарные оппозиции — субъект и объект, происхождение и содержание, имя и сущность и т. п. — в мифе ещё не сложились. По сути, основная специфика мифологического сознания и состоит в этом неразличении вещи и образа, тела и свойства, «начала» и принципа.

Невыделенность человека из мира природы и синкретичность мышления предопределили специфику складывающихся в этот исторический период ранних форм религиозных верований: фетишизма, тотемизма, магии и анимизма. И вместе с тем, именно в этих формах уже намечается первое очевидное противопоставление: «сакральное» (священное) — «профанное» (обычное, повседневное). Именно эта оппозиция станет основополагающей в последующем процессе формирования религиозного мировоззрения.

Со временем ранние формы религиозных верований не только были усвоены сменявшими их более поздними религиями, но и сохранились в околорелигиозном культурном пространстве в виде предрассудков и суеверий.

На смену родоплеменным религиям пришли религии древних цивилизаций. Так в результате слияния различных архаических культов и контаминации разных, первоначально несвязанных друг с другом мифов, появились новые религиозные системы политеистического типа.

Эпоха великих цивилизаций древности завершилась в поворотный момент истории. Карл Ясперс назвал его «осевым временем», обозначив суть происходящих перемен. «Осевое

время» — это время духовного рождения человечества, когда в разных концах мирового культурного пространства почти одновременно возникают философские и религиозно-этические учения, проповедующие новые ценности, настолько глубокие и универсальные, что они остаются актуальными и по сей день. Именно в эту эпоху человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы. Чувство собственного бессилия перед «последними вопросами» бытия, ужасом мира делают человека открытым новым неограниченным возможностям опыта. «Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения. Осознавая свои границы, он ставит перед собой высшие цели, познает абсолютность в глубинах самосознания и в ясности трансцендентного мира»³. Пограничная ситуация, в которой оказывается человечество, разрешается в сфере культуры: на смену ориентированному на традиции мифологическому сознанию приходят философские учения, полные рефлексии и скептицизма, на смену языческим представлениям — мировые религии.

Духовное пробуждение оказывается началом общей истории человечества, которое прежде было разделено на локальные, не связанные между собой культуры. «Осевое время» формирует несколько духовных, внутренне друг другу родственных центров. В этот момент возникает подлинная связь между народами, связь духовная. «В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей. Во всех направлениях совершался переход к универсальности. Этот процесс заставил многих пересмотреть, поставить под вопрос, подвергнуть анализу все бессознательно принятые ранее воззрения, обычаи и условия... Человек в качестве отдельного индивидуума отважился на то, чтобы искать опору в самом себе. Отшельники и странствующие мыслители Китая, аскеты Индии, философы Греции и пророки Израиля близки по своей сущности, как бы они ни отличались друг от друга по своей вере, содержанию и внутренней структуре своего

³ Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. — М.: Политиздат, 1991. — С. 33.

учения. Человек может теперь внутренне противопоставить себя всему миру. Он открыл в себе истоки, позволяющие ему возвыситься над миром и над самим собой». ⁴ Синхронно возникшие в эту эпоху ценности являются фундаментальным элементом единства истории, они образуют «идеальную» ось, вокруг которой с тех пор и «кружится» реальная история человечества.

«Осевое время» — ключ к динамике мировой культуры, поворотный момент истории, оно знаменует собой исчезновение великих культур древности. Культуры, не сумевшие осуществить исторический прорыв, обречены на гибель. В то же время, человечество, ощутившее своё духовное единство, обретает общий путь и универсальную цель развития. Все то, что существовало до осевого времени, пусть оно даже было необычайно значительным, подобно вавилонской, египетской, индийской или китайской культуре, воспринимается теперь как нечто отжившее. Древние культуры продолжают существовать лишь в тех своих элементах, которые вошли в «осевое время», восприняты новым началом. Большинство же идей и принципов доосевого периода, даже формально сохраняясь, совершенно меняют свой смысл и историческое значение. Совсем другая судьба уготована принципам и ценностям осевого периода. Они не только не утрачивают своей актуальности вплоть до сего дня, но оказываются востребованы практически на любой новой ступени культурного развития человечества.

В «осевых» культурах, сформировавшихся в середине первого тысячелетия до н. э., культуuroбразующую функцию выполнили новые, выделившиеся из архаического единства формы. Для Греции эту роль сыграли философия и искусство, для Рима — политика и право. В остальных культурах осевого времени доминантой оказалась религия. Именно религиозные идеи и практики стали двигателем духовных перемен «осевого времени»: китайскую культуру изменили конфуцианство и даосизм, индийскую — буддизм и джайнизм, развитие древнеиранской культуры определил зороастризм, а древне-

⁴ Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. — М.: Политиздат, 1991. — С. 34, 35.

еврейской — иудаизм. Появление в I веке н. э. христианства, а в VII веке ислама, завершило формирование базовых религиозно-культурных парадигм, определивших облик современного мира.

Таким образом, начало «осевого времени», по сути, является началом становления авраамической религиозной традиции. Её генезис связан с радикальным преобразованием иудаизма, ставшего, в свою очередь, одним из главных источников раннего христианства. Со временем эта общая иудео-христианская основа получила своё дальнейшее развитие в различных конфессиональных модификациях иудаизма, христианства и ислама.

Не пытаясь «объять необъятное», мы уделим основное внимание процессу становления концептуальных оснований авраамической традиции, связанных с историей иудаизма и раннего христианства до эпохи расколов, оставив за рамками рассмотрения все последующие интерпретации основополагающих идей.

Историко-культурная целостность иудаизма и христианства обусловлена целым рядом факторов. Во-первых, их объединяет генетическое родство. Называя себя «авраамическими» религиями, каждая из этих религиозных традиций не просто возводит свою историю к общему прародителю Аврааму, но и провозглашает общий идеал подлинной веры — «Авраамову веру».

Во-вторых, они связаны типологическим единством. Иудаизм и христианство — монотеистические религии, опирающиеся на принципы теизма и теоцентризма, ясно выраженные в библейских текстах.

В-третьих, их роднит онтологическое сходство. Иудаизм и христианство считают себя религиями «откровения», т. е. такими религиями, основанием которых является «самораскрытие Бога».

В-четвёртых, их сближает логоцентризм. Иудаизм и христианство — религии «Слова». Священное Писание является в этих религиозных традициях не только незыблемым смыслополагающим началом, но и началом формообразующим. Трудно

переоценить ту роль, которая отведена в мировой истории и культуре Библии, первая часть которой (Танах, или Ветхий Завет) создана иудаизмом, а вторая (Новый Завет) подарена миру христианством.

Воздействие авраамической религиозной традиции на мировую культуру поистине всеохватно: на протяжении многих столетий её идеалы и принципы, воплощенные в разных религиозно-конфессиональных вариантах, оказывали и оказывают до сих пор определяющие влияние на ментальность общества и модусы культуры, убедительно демонстрируя неисчерпаемость её религиозного, философского, эстетического и нравственного потенциала.

Часть I

Иудаизм: начало авраамической традиции

Глава 1

История становления иудаизма

В истории становления иудаизма тесно переплетены мифологические и реально-исторические события. С одной стороны, библейские предания с их неизбежными мифическими подробностями по-прежнему остаются одним из основных источников по древней истории еврейского народа. С другой стороны, сегодня, после того как Передняя Азия стала объектом исследования профессиональных историков и археологов, наука располагает серьезными внебиблейскими свидетельствами, позволяющими увидеть в иудейской истории не только плоды народнопоэтического мифотворчества, но и достоверные факты древней истории Восточного Средиземноморья.

1.1. Период формирования иудейского племенного союза

Предыстория иудейского народа, то есть рассказ о его происхождении и начальном периоде развития, изложена в виде библейских повествований о патриархах — Аврааме, Исааке и Иакове (Израиле) — древних предках Израильского племенного союза. По библейскому преданию, как и по более позднему кораническому, Авраам считается прародителем не только древнееврейских, но и арамейских, а также арабских племен. Именно с его именем связывается обычно первое переселение иудеев из Месопотамии в землю Ханаанскую, датированное предположительно серединой второго тысячелетия до нашей эры.

Само понятие «ибри» или «иври» (др.-евр. *перешедшие через реку*), от которого происходит и название древнееврейского языка (иврит), и название этноса (евреи)⁵, первоначально

⁵ См. Немировский А. А. У истоков древнееврейского этногенеза. Ветхозаветное предание о патриархах и этнополитическая история Ближнего Востока. — М., 2001.

относилось ко всем потомкам легендарного патриарха Авраама, и не было равнозначно еврейскому народу позднейших времен, хотя сохранилось именно за ним.

Новое переселение евреев из Месопотамии произошло, по-видимому, примерно через сто лет после первого и было связано с именем Иакова. Среди библеистов существует мнение, что предание об Иакове как внуке Авраама, получившем волею Бога новое имя Израиль, скорее символ, чем отражение конкретных исторических событий. Это имя — Иаков (Израиль) — стало этнонимом, объяснявшим единство племенного союза родов (в библейской терминологии «колен»), которые, как известно из месопотамских, финикийских и египетских источников, именовали себя «Бене-Израэль», то есть сыны Израиля.

Происхождение другого названия этого племенного союза — «иудей» — связано с самым многочисленным и влиятельным племенем Иуды (согласно библейской традиции, так звали одного из двенадцати сыновей Иакова-Израиля). Со временем название «иудей» распространилось на всех потомков еврейских племен⁶.

Повседневная жизнь иудейского племенного союза была тесно связана с занятием скотоводством: постоянно кочуя в поисках новых пастбищ, родовые семьи останавливались лишь на непродолжительное время. Жили они в небольших палатках из козьих шкур, натянутых на легкий деревянный остов. Такую палатку было нетрудно разобрать и снова отправиться в путь.

Приход народа Израиля в земли Ханаана — событие одновременно и библейское, и историческое⁷. В Библии это событие представлено как быстрое завоевание. Историки рассматривают его как длительный процесс. Вторжение евреев, осуществлявшееся несколькими волнами, изменили не только карту древней Передней Азии, но и сам еврейский народ. Пришедшие в

⁶ В большинстве языков понятия «еврей» и «иудей» тождественны и обозначены одним термином. В русском языке эти понятия разделены: слово «еврей» обозначает этническую принадлежность, а «иудей» — религиозную.

⁷ Первым упоминанием иудейского народа во внешних исторических источниках является надпись на стеле в Карнакском храме в Фивах, датированная XIII в. до н. э.

Ханаан евреи, превратившись из кочевников в оседлых земледельцев, постепенно ассимилировали значительную часть местного населения.

В состав племенного союза Израиля влились египтяне, часть племен и мелких кланов, расселившихся между Синаем и Сирией, евреи, которые жили в Ханаане прежде, наконец, сами ханаанеи. Язык израильтян имел общие корни с ханаанейским, и это способствовало слиянию в одну народность завоевателей и покоренного населения.

В кочевые времена еврейское общество обходилось без постоянной сколько-нибудь развитой системы политического устройства. Управление осуществляли старейшины. В особых обстоятельствах отдельные племена или весь союз племен подчинялся выбранному или самозваному вождю — шофету (*судье*). Важную роль при этом играло стремление к религиозному единению. Но во «времена судей» (XIII–XI в. до н. э.) единый прежде племенной союз, заселившись на обширной территории, неизбежно оказался разрозненным. Многочисленные местные культы (политеистические по своему характеру) и множество религиозных центров не только ослабляли централизованное влияние, но и прямо угрожали религиозному и культурному единству. «Время судей» принято характеризовать в ветхозаветной библейской литературе как период религиозной и политической анархии.

Под давлением внешних врагов, и в первую очередь, филистимлян, захвативших южные прибрежные части Ханаана и претендовавших на общую гегемонию, в иудейском сообществе все более укреплялась мысль о необходимости твердой политической организации, способной обеспечить военное, политическое и религиозное единство. Для того чтобы противостоять противнику, иудеям необходимо было объединиться вокруг авторитетного сильного лидера, волевое руководство которого отодвинуло бы на второй план межплеменные разногласия и соперничество родов. Все эти обстоятельства стимулировали процесс создания государства.

1.2. Храмовый период в истории иудаизма

Первыми израильскими царями, объединившими иудейские племена в единое государство со столицей в Иерусалиме,

библейская история называет Саула, Давида и Соломона. Над каждым из них был осуществлен особый обряд «помазания», прежде совершавшийся только над священниками, получавшими право богослужения. Теперь обряд «помазания» символизировал божественную санкцию на гражданскую власть: после возлияния на голову особого ароматического оливкового масла — «масла помазания» — избранник становился «машиахом» (*помазанником* Господа), то есть благословленным Богом царем Иудейскими.

Хотя первым царем был Саул, главная слава в истории иудейской государственности принадлежит его преемникам — Давиду и Соломону.

Царь Давид прославился в иудейской истории не только как основатель Иерусалима — духовного центра Израиля, но и как великий религиозный поэт, авторству которого приписывается значительная часть библейских псалмов. Именно Давидом в иудаизме связывается представление об идеальном царе, которое проецируется и на будущего, пока не явившегося Божьего избранника.

В правление царя Соломона (сына царя Давида), в Иерусалиме началось строительство первого иудейского храма Бога Яхве. В середине X в. до н. э. он был освящен. Так в истории иудаизма начался «храмовый период», продлившийся около 1500 лет, вплоть до разрушения иерусалимского храма в 70 г. в ходе Первой Иудейской войны⁸. Жертвоприношения и другие постоянные ритуалы в храме осуществляли потомки Аарона — священники (козны) и их помощники (левиты). Со временем священники превратились в закрытую родовую касту, отделенную от остального народа целым рядом специальных ограничений. И до сегодняшнего дня в иудаизме считается, что потомки кознов, в отличие от остальных иудеев, не могут находиться под одной крышей с мертвым телом, не имеют права жениться на вдове, дочери нееврея, разведенной или принявшей иудаизм женщине.

⁸ Сегодня на Храмовой горе в Иерусалиме на месте храма Яхве находится одна из главных святынь ислама — мечеть Купол Скалы (масджид Кууб-бат ас-Саахра), построенная над камнем Основания — краеугольным камнем, с которого, согласно иудейскому, а вслед за ним и мусульманскому преданию, началось сотворение мира.

В конце X века до н. э., после разделения на Иудейское (южное) и Израильское (северное) царства, появились новые места жертвоприношений Богу Яхве и другим богам ханаанских земель. И хотя путь от иудейского геноцизма к последовательному монотеизму уже был уже явно обозначен, но он еще не был преодолен.

История иудейских государств IX–VII в. до н. э. наполнена многочисленными свидетельствами «вероотступничества». Во времена царя Ахава были предприняты попытки установить культ финикийских богов Ваала и Астарты. По распоряжению царя Манасии изваяния этих богов появились в Иерусалимском храме. Только во времена царя Иосии в 622–620 г. до н. э. была проведена радикальная реформа религиозного культа, результатом которой стало уничтожение не только всех жертвенников, посвященных другим богам, но и разрушение мест поклонения Богу Яхве в Вефиле, Дане и многих других городах. Иерусалимский храм стал единственным местом жертвоприношений, и как следствие — центром всеобщего паломничества.

Как самостоятельные государства Израиль и Иудея существовали недолго. На протяжении трех веков на право обладать этими территориями претендовали Ассирия, Вавилон и Египет. После нескольких войн с Вавилоном, в 586 г. до н. э. Иудейское царство вообще прекратило своё существование. Войска вавилонского царя Навуходоносора захватили Иерусалим, предав его разорению и огню. Главный и единственный храм Бога Яхве, возведенный царем Соломоном, был осквернен и полностью разрушен. Значительная часть населения была переселена на территорию Вавилона, и лишь небольшие группы жителей осталась в провинции под управлением наместника. Так начался новый период древнееврейской истории, отмеченный, с одной стороны, политическими бедствиями вплоть до покорения иноземным завоевателям, а с другой стороны, — выступлением библейских пророков, которые, сообщив иудейской религии новый импульс, не только оказали влияние на ход истории еврейского народа, но и стали летописцами этой истории.

Прорицатели, предсказывающие будущее, имелись практически в любой древней культуре. Но иудейские пророки были больше, чем прорицатели. Пророк в древнееврейском

обществе — это не просто посредник, передающий слова божественного откровения, но и тот, кто стремится открыть людям глаза на абсолютный, установленный Богом смысл понятий добра и зла, праведности и греховности⁹. Тот, кто активно включается в жизнь, обличая пороки без оглядки на титулы и отстаивая идеалы высшей справедливости. В словах Исаяи, Иеремии и Иезекииля, социальные беды, обрушившиеся на иудеев, провозглашались справедливым наказанием — неизбежным и неотвратимым. Но столь же неизбежным в пророческих речах представлялось и грядущее возрождение Израильского государства, центром которого станет новый Иерусалимский храм.

В 539 г. до н. э. Вавилонское царство пало под натиском могущественного персидского государства во главе с царем Киром. Взяв Вавилон без сражения и разрушений, он разрешил иудеям вернуться на родину предков. Иерусалиму был предоставлен статус самоуправяемого города, оказана материальная помощь, возвращена дорогая храмовая утварь, вывезенная в Вавилон Навуходоносором, и дано разрешение на восстановление Иерусалимского храма. Возможно, одной из причин такого решения было стремление к созданию на границах империи лояльных к центральной власти зон как важных опорных пунктов в борьбе с врагами.

На протяжении VI–V в. до н. э. продолжалось возвращение иудеев в Иерусалим, ставший символом социального, этнического и духовного возрождения. Новая община при храме была освобождена от налогов и повинностей, часть доходов провинции поступала на строительство города и нового храма. Но в восстанавливаемую храмово-городскую общину принимали далеко не всех израильтян. Вожди возвратившихся из плена иудеев, прежде всего Ездра и Неемия, отказались признать иудеями тех, кто не был в вавилонском плену и, оставаясь в Палестине, не сохранил чистоту крови, смешавшись с другими народами. Отвергнутые иудеи стали называться «самарянами» или «самаритянами».

⁹ См. подробнее: Шифман И. Ш. Ветхий завет и его мир: Ветхий завет как памятник литературной и общественной мысли древней Передней Азии. — М.: Политиздат, 1987.

Процесс восстановления города и строительства Второго храма Яхве завершился к началу IV в. до н. э. В новом храме впервые была введена практика регулярного публичного чтения священных текстов Торы.

В рамках храмово-городской общины был создан особый орган — синедрион, называемый в Библии «собранием старейшин». Главой синедриона, состоявшего из священников и представителей светской знати, был первосвященник Иерусалимского храма. В компетенцию синедриона входили вопросы внутреннего управления и некоторые судебные и политические полномочия, ограниченные Римом. Так, например, синедрион не обладал правом вынесения смертного приговора. Такое решение мог принять только представитель императорской власти — прокуратор провинции.

Период вавилонского плена не прошел бесследно для иудаизма как системы религиозных взглядов: иудеи соприкоснулись с зороастрийской религией, под влиянием которой в иудаизме появились представления о бессмертии души, аде и рае, ангелах и демонах, стало формироваться учение о сатане.

В 333 году до н. э. Александр Македонский покорил Персидскую державу, и Иудея стала частью его империи. Затем наступило время столетнего правления «македонских фараонов», когда все иудеи, независимо от территории их проживания, получили привилегии и пользовались гражданской свободой. Их охотно брали в наемные войска, ценя их верность данной клятве. В дела общины в Иерусалиме, возглавляемой первосвященником, египетское правительство не вмешивалось.

Этот период истории стал важным в культурном отношении. Иудеи вплотную соприкоснулись с эллинистической культурой, что вызвало разную реакцию в их среде. Одни это приветствовали, другие всячески препятствовали проникновению чуждых идей и выступали за этнокультурную изоляцию.

Тем временем между Птолемеями и Селевкидами шла постоянная борьба за влияние и территориальные владения. Селевкиды оказались более фанатичными эллинизаторами. Во времена правления Антиоха IV Эпифана стала проводиться

политика неприятия и искоренения иудейских религиозно-культурных традиций. Из Палестины гонения перекинулись и на другие подвластные Антиоху Эпифану области.

Ответной реакцией было восстание 166–164 г. до н. э., которое поднял старый священник Маттафия из священнического рода Хасмонеев, а затем возглавил один из его пяти сыновей Иуда, прозванный Маккавеем (от араб. *маккаба* — *молот*). Это движение стало называться маккавейским. После того как воины Иуды захватили в 164 г. до н. э. Иерусалим, появился храмовый праздник Ханукка, с тех пор ежегодно отмечаемый иудеями (1 Мак. 4:36–61). Иуда погиб в борьбе, но его братья довершили дело: страна была освобождена, пришел конец религиозным притеснениям. Маккавейское восстание завершилось победой и обретением независимости на сто лет. Со временем Хасмонеям удалось основать царскую династию.

Хасмонеи охотно перенимали греческие обычаи, сохраняя при этом основы иудейского религиозного культа. При их дворе привилегированное положение занимала политическая партия саддукеев, состоявшая из представителей жреческой аристократии. Большинство священников Иерусалимского храма и члены Синедриона были саддукеями — иудеями, для которых и Библия, и религиозный культ, осуществлением которого они занимались, служили в первую очередь символом национальной идентичности. Стремление примирить Тору с требованиями времени обусловило интерес саддукеев к греческой философии и попытки рационалистической интерпретации Священного писания. Не придавая большого значения обрядам и рассматривая их скорее, как многовековую традицию, саддукеи скептически относились и к вере в ангелов и демонов, и к существованию загробного мира и посмертного воздаяния. По мнению саддукеев, душа так же смертна, как и тело. Столь же отрицательным было отношение к появляющимся в это время мессианским и эсхатологическим идеям и настроениям.

Наиболее многочисленным течением в иудаизме кризисной эпохи было фарисейство. Фарисеи («отделившиеся»), в отличие от саддукеев, имели, как правило, не священническое

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru